

*Теперь, когда мы научились летать по воздуху,
как птицы, плавать под водой, как рыбы,
нам не хватает только одного –
научиться жить на земле, как люди*

Бернард Шоу

Лерка поднялась с постели позднее, чем обычно, и долго не могла стряхнуть с себя липкие сонные путы. Было уже семь вечера, хотя перед ночной сменой она всегда просыпалась в пять. Странный сон тревожил и не отпускал. Привиделось ей, что стоят они с Витьком под проливным дождём в крошечном дворе старого бабушкиного дома и ждут венчания. Когда и кто их собирается венчать в этом захламлённом закутке – непонятно.

Рядом на крыльце жмутся неизвестные измождённые люди, а среди них Леркины бабушка с мамой, что умерли много лет назад. Стоят, мокнут, лишь молча с ноги на ногу переминаются, и никто даже не догадается в дом зайти или хотя бы открыть зонт. Вдруг среди продрогших гостей появляется бывшая Витькина жена с ребёнком на руках, протискивается вперёд и встаёт в аккурат между её родственницами. «И с чего ради, припёрлась в мой сон эта, да ещё и сына с собой притащила?! Как есть – не к добру! – расстроилась было Лерка. – Напоминает, видать, что из-за меня Витёк её с грудным

младенцем-то бросил. Хотя какой же он теперь-то младенец. Пацану уже лет двенадцать, небось!»

Пытаясь отделаться от неприятного предчувствия, Лерка включила телевизор и занялась привычными делами. «И зачем мне переживать из-за какого-то дурацкого сна? На дворе лето. Славик в деревне у свекровки, под присмотром. Чего ещё пятилетнему сорванцу нужно: свежий воздух, парное молоко, бабуля души не чает! Так что всё – хо-ро-шо! – успокаивала себя женщина. – Да и вообще, в ближайшее время у меня запланирован самый настоящий фурор! Нужно выглядеть на все сто!»

И, действительно, на завтрашний день у Лерки была намечена «минута славы», точнее, полминуты. Впервые, а может, и вообще единственный раз в жизни, предстояло ей сниматься в самой настоящей рекламе. Что ни говори, повезло! А получилось просто. Нагловатая девица, проезжая мимо на автомобиле, разукрашенном логотипами одного из известных телевизионных каналов, остановила свой острый взгляд именно на

ней – Лерке. Да и как тут было не залюбоваться! Яркая длинноногая брюнетка на фоне шикарных роз. Да, именно так и выглядела Лерка на своём обычном рабочем месте, потому что торговала цветами на бойком «пятак» в центре города.

Ролик, конечно, грозил оказаться ерундовым: нужно было показать в экран какую-то банковскую карточку, сообщить зрителям, что это самый надёжный банк, и ослепительно улыбнуться. Если в надёжности банка Лерка очень сомневалась, то в ослепительности своей улыбки была совершенно уверена. Для того чтобы ещё раз удостовериться в собственном великолепии, она подошла к большому зеркалу. Быстро с самодовольной усмешкой оглядела стройный силуэт и чистое, как с рекламной обложки, кукольное личико: «Слов нет, как хороша! Королева!»

Действительно, её внешность на удивление и вопреки годам нисколько не пострадала ни от трудных родов, ни от постоянных перекусов сомнительным уличным фаст-фудом, ни от пагубных привычек. Лерке не приходило в голову осуждать себя за курение или периодические «забеги в ширину», к коим, по её мнению, непременно пристрастился бы даже праведник, поставь его целыми днями в июльский зной или в зимнюю собачью стужу втюхивать несвежие реанимированные «цветуёчки» в компании быстрогоглазых жуликоватых товаров.

С внутренним трепетом, затаив дыхание, Лерка представляла миг своего триумфа: «Вот выйдет мой ролик, и начнут его гонять почём зря с утра до ночи, прерывая ваши слюнявые сериалы в самых интригующих местах на бесконечные

тягучие рекламные паузы. Все вы у меня тогда поперхнётесь! Узнаете тогда, какая я красивая и знаменитая! Соседки по цветочным лоткам взвоят от зависти, и эта, что столько лет сосёт из Витька бесконечные алименты, сразу смекнёт, кто Я – Лерка – молодая, бедовая, и всё мне – нипочём, и кто она – серая мышь, облезлая училка с довеском. И даже злобная ведьма Чакина навсегда заткнётся и отлезет во тьму, как и положено мерзкой нежити!»

Несчастливая, подло и неожиданно брошенная эта – бывшая супруга Витька – попала к Лерке в извечные «вражины» совершенно незаслуженно и соперничала с ней только в её воспалённом ревностью воображении. Но вот «злобная ведьма Чакина» – вредная соседка по лестничной площадке по кличке ЧеКа – портила жизнь окружающих неустанно, регулярно и совершенно сознательно.

Яркая и независимая Лерка возбуждала в старой злюке особую ненависть. Каждый раз, как только Лерка выходила из квартиры, ЧеКа тут же моментально высывалась из своего логова, словно весь день только и сидела в засаде. С непременным переходом от монотонного гнусавого гундения, постепенно оживляясь, словно напиваясь свежей крови из собеседника, ведьма переходила к эмоциональным обвинениям с взвизгиваниями и активной жестикующей.

Обычно претензии не отличались разнообразием, однако иногда встречались и весьма неожиданные всплески нездоровой фантазии. Например, после банальных нареканий, будто маленький Леркин сын постоянно мажет сажей её коврик перед дверью, причём

– умышленно (!), то свет в подъезде ни днём, ни ночью не тушит именно Витёк и никто другой, то телевизор у них орёт на всю Ивановскую, встречались обвинения совершенно фантастические. В частности, одним из инкриминируемых преступлений было то, что Витёк и Лерка злонамеренно облучают беззащитную пенсионерку специальным «ядовитым фонариком», и от того волосы у несчастной жертвы лезут клочками и кости ломит невыносимо, особенно перед похолоданием.

Досаднее всего было то, что ЧеКа разносила эти бредни по всему миру, включая поликлинику, близлежащие магазины, газетные ларьки, а уж про двор и прилегающие к нему территории и говорить нечего. Многие понимали, нельзя верить измышлениям, продиктованным старческим слабоумием, но, к сожалению, встречались и такие, что смотрели настороженно, вероятно, подозревая Леркино семейство в недобрых намерениях, ведь, как говорится, нет дыма без огня.

Лерка старательнее, чем обычно, красила ресницы, сидя на диване перед телевизором, при этом смешно вытягивала губы в овальную букву «О». То, что женщина успевала высмотреть в маленьком прямоугольном зеркальце, доставляло ей явное удовольствие: носик прямой, маленький, чуть-чуть капризно вздёрнутый, ресницы густые, словно искусственно наращённые, кожа матовая с бронзовым загаром: «Голливудская красotka! И сроду не подумаешь, что уже за тридцать».

Священный ритуал самолюбования был бесцеремонно осквернён неприятным сообщением диктора: «Продолжается печальная

серия необъяснимых самоубийств на Новом мосту». Невозмутимым и от того ещё более пугающим голосом молодой ведущий теленовостей посвятил зрителей в тёмную историю. Мало того что несколько подростков подряд прыгнули с этого моста в реку и утонули, так ещё какой-то командировочный повесился на его перилах. Но на этом череда страшных событий не прекратилась, и сегодня на злополучном Новом мосту произошла автомобильная авария с человеческими жертвами. «Да ну вас, к свиньям, – дёрнулась Лерка, – лишь бы настроение людям испортить!»

Закрывая входную дверь, Лерка внутренне напряглась, ожидая, что ЧеКа вылезет из своего логова, а это не предвещало ничего приятного. Снова начнутся безумные безапелляционные домогательства. Несмотря на то, что подобное происходило ежедневно, женщина никак не могла привыкнуть к сумасшедшей соседке и относиться спокойно к её закидонам. Проходить по подъезду Лерка старалась тихо-тихо на цыпочках, а по бесшумному открыванию дверей наверняка стала бы чемпионкой мира, если бы кому-нибудь взбрело в голову объявить такие соревнования. Однако все ухищрения были напрасны. Как только она сунула ключ в замочную скважину, в предвкушении добычи из-за соседней двери высунулась хищная голова соседки в облаке седых куделей:

– Лера, я тебя уже не раз предупредила. Если не прекратите безобразить, я ведь и в отделение могу заявить, и к Витьке на работу пойду, расскажу, какие вы есть изверги. Уже, между прочим, бумага на тебя составлена.

– Ну, что? Что за бумага? Не надоело вам? Что случилось-то опять?

– Ты мне, во-первых, не хами. Доживи сначала до моих лет! Здраваться-то мама не научила вас, видать. Откуда такие наглые только берутся?!

– Да в чём дело-то... здравствуйте, – как можно бесстрастнее скороговоркой пробубнила Лерка, стараясь не заводится.

– Нет, она ещё спрашивает! Всю ночь ребёнок орал как недорезанный, а она на меня глазёнки свои бесстыжие выпучивает.

– Какой ребёнок?

– Больной, очень больной ваш ребёнок, от которого всему дому житья нет. Вот помяни моё слово, я не я буду, но лишу тебя материнства. Не должны такие люди невоспитанные порождать себе подобное зло...

Договорить старухе не удалось, потому что Лерка взревела как ужаленная:

– Да вы окститесь, ваще! Аллè!!! Славик уже месяц у бабушки в деревне!

– А вот пусть там и разберутся, в κ Апетентных-то органах, куда вы ребёнка дели, к какой-то такой бабушке, о которой никто сроду слыхом не слыхивал. Ты ведь не думай, я тебе не какая-нибудь, они меня там в κ Апетентных органах хорошо знают и уважают, не представляешь даже, с ещё како-ого года...

– Догадываюсь, с тридцать седьмого, наверное! В том году вас там много таких водилось, – выпалила Лерка в наштукатуренное, как у трансвестита, лицо соседки. Нарисованные красно-коричневым карандашом брови старухи поползли вверх. Удивление это или возмущение определить было затруднительно.

Пока ЧеКа переваривала озадачившую её информацию, Лерка стремглав сиганула к выходу, словно за ней гнался опасный дикий зверь.

«На пятаке» активная продажа цветов, или, по выражению уличных торговков, «самый сенокос», продолжалась часов до одиннадцати вечера, потом наступало затишье, изредка прерываемое единичными покупателями. Чаще всего такой «одинокий бродяга любви Казанова», возжелавший осыпать розами даму сердца посреди ночи, подъезжал на личном авто, с цветочницами бывал весьма любезен, словно состоял с ними в тайном сговоре, а оттого торговался редко.

Поэтому, когда в первом часу ночи к Леркиному прилавку подкатил навороченный «Лексус» и из него вышел холёный подданный мордovorот, она нисколько не насторожилась и не испытывала от предстоящего выгодного торгова ничего, кроме радости. То, что коротко стриженный детина в дорожном костюме имел при себе телохранителя, габаритами напоминающего промышленный холодильник, тоже никак её не встревожило, потому что и собственный муж Витёк также работал личным охранником-денщиком у какого-то то ли начальника, то ли бандюгана.

В авангарде перед прилавками цветочницы выставляли высокие вазоны с особенно дорогими цветами. Лерка не была исключением, в её вазе красовались крупные бордовые розы для особых случаев – с золотыми блёстками по краям лепестков.

«Главный», надев на физиономию маску непроницаемости,

нарочито спокойно и деловито, вразвалочку подошёл к вазону, вытащил из него все розы. Не торопясь встряхнул с них воду. Молча, ничего не говоря, будто так и надо, направился к своему автомобилю. Но даже тут Лерка не слишком забеспокоилась, случилось, что особо заносчивые клиенты доверяли расплачиваться за товар своим прислужникам.

Но верзила-«казачок» тоже не торопился рассчитывать, он невозмутимо открыл дверь своему барину и сам собирался усаживаться на место водителя. Леркино сердце прыгнуло в голову и заколотилось в висках.

За долю секунды в мозгу пронеслось всё: и высасывающая жизнь бесконечная ипотека, и огромная недостача, которую хозяин бизнеса – цветочный магнат Вазген – никогда ей не простит и поставит несчастную на счётчик, и беспощадный взгляд Витька «сама, мол, профукала, сама и выкручивайся», и не купленные сыну на зиму сапожки, и многое-многое другое. Она кинулась к машине и в отчаянии вцепилась в дверцу, не давая её закрыть:

– А деньги? Деньги? Вы расплатиться забыли, господи!

Опасаясь за сохранность автомобильной двери, верзила, насупившись, отшвырнул женщину на грязный асфальт, как надоевшего щенка. Торговки, сбившись в кучку, с нескрываемым интересом наблюдали за происходящим. И хоть многие явно сочувствовали подруге, а некоторые даже пытались осторожно роптать, однако, как говорится, своя рубашка ближе к телу, стой тихо, пока не напали на твой товар.

Лерка, совершенно озверев от беспредельной унижающей нагло-

сти самоуверенных бруталов, кинулась на широкий капот отъезжающего авто и стала яростно колотить в лобовое стекло. Несмотря на это, машина всё же поехала, но женщина не унималась. Словно присосавшийся клещ она приросла к телу монстра импортного автомобилестроения, стараясь изо всех сил выбить ненавистное стекло.

«Лексус» вынужден был остановиться. С заднего сидения выскочил хозяин, однако его лицо уже не носило печать непоколебимой бесстрастности, как прежде, а было перекошено яростью, будто морда свирепого ротвейлера, идущего на смертельную схватку с врагом.

Боец явно имел за плечами успешный опыт боксёрских поединков, потому что отправил противника в нокаут с первого же удара, заодним выбив приставучей тёлке два передних зуба. Однако даже при виде поверженной соперницы боевой пыл не утих. Ведь он – большой босс, хозяин жизни, и не привык спускать нахальные наезды какому-то быдлу, пусть даже и женского пола. В его груди закипела гладиаторская удаль. «Добей, эту тварь!» – словно кричали наслаждающиеся боем трибуны.

– Ах, ты овца ... .., ты на кого хлебало открыла ..., да я тя ... замочу, как ...

Добротный ботинок престижной фирмы угодил толстой подошвой прямо в лицо лежащей женщины, но она не издала ни звука и вовсе не стала сопротивляться, так как уже пребывала в беспомощности. Подоспевший к патрону водитель-охранник вежливо тронул его за рукав, как бы осторожно напоминающая господину, что не стоит расточать свой гнев на недостойных плебеев.

Устранив нелепое препятствие, автомобиль попятился и, вальяжно развернувшись, умчался вдаль в поисках новых приключений.

Перепуганные товарки заботливо обтёрли лицо и руки избытой подруги и, пообещав прибрать товар, отпустили несчастную домой. Однако, несмотря на тягучую боль во всём теле, Лерка успела рассмотреть свою изуродованную физиономию в маленькое зеркальце. Увиденное радости не доставило: лицо распухло, под глазом иссиня-чёрный фингал, нижняя губа безобразно отвисла, а вместо передних зубов зияла кровавая дыра.

И что самое обидное – с «минутной славы» можно было попроситься, никакой рекламы в таком виде, конечно, снимать нельзя. Леркин фурор, словно рафинированный эстрадный фрик, брезгливо отпрянул и, не оборачиваясь, поспешно растаял в голубом ароматном дыму магического закулисья.

Женщина шла медленно, почти наугад, стараясь избегать широких улиц и держаться самых тёмных закоулков, чтобы оставаться незамеченной. «Что делать? В полицию заявить? Повезут побои снимать, стыд, боль, провалындают до утра, потом будут год в отделение таскать, никого, естественно, не найдут, только время и нервы будут бесконечно тянуть...» – в таких тяжких раздумьях Лерка добрела до своего подъезда.

По отработанной привычке тенью проскользнула по лестнице, ключи повернула в замочной скважине совершенно бесшумно, но дверь почему-то оказалась заперта ещё и на цепочку, которой в их семействе пользовались весьма редко – «Наверное, Витёк по

рассеянности...» Боясь разбудить мужа и особенно напугать, ведь спросонья её можно было вполне принять за ожившего персонажа голливудского ужастика, женщина ловко просунула тонкую руку в проём и осторожно сняла цепочку.

Обувь и вещи разбросаны, несмотря на поздний час, шелестит включенный телевизор. Лерка не сразу заметила на диване живой шевелящийся комок, сначала она услышала ритмичное пыхтение и чужой навязчивый запах дешёвых духов. На осознание творившегося прямо перед её носом непотребства реально ушла всего секунда, но для Лерки время растянулось и каплями стучало в висках.

Картина предстала во всём своём безобразии: на смятых простынях извивались два обнажённых тела, застигнутых на самом апогее соития, – её неверный супруг и совсем юная девица. «Даже простыни не поменял... неужели так и не перестелил бы потом... и мы бы на них продолжали спать... а я ни о чём бы не догадывалась...» – клубились в Леркиной голове обрывочные нелепые мысли.

Выражение Витькиного лица соответствовало ситуации: челюсть отвисла, глаза округлились, он слабо пытался чего-то лепетать. Пожалуй, за всю их совместную жизнь Лерка никогда ещё не видела мужа в столь жалком и неприглядном виде. Деваха же как раз не слишком растерялась, а, натянув на себя простынь, рыскала взглядом по комнате, ища разбросанные детали своего гардероба. Лерка сразу узнала эту краплю по кличке Лунтик по ярко крашенной шевелюре – розовым и фиолетовым прядям. Эта девушка всегда выделялась обилием сверкающих блёсток из стайки «анжелик» – проституток, что всегда промыш-

ляли неподалёку от цветочных рядов.

Первой Леркиной реакцией стал почему-то безудержный смех, который буквально переломил её пополам. Задыхаясь и смахивая слёзы, она следила за тем, как несуразно оправдывается пришибленный супруг, как мечется, судорожно натягивая на себя свои безвкусные шмотки, тощая уличная девка.

Вдруг при взгляде на осквернённую супружескую постель Лерка неожиданно вспомнила, что маленький Славик любит прибегать под утро и ложиться между мамой и папой, и ещё как она водила его по этому дивану, уча ходить, и он топал крохотными розовыми ножками, делая первые в своей жизни неумелые шаги, а теперь...

Упавший Леркин взгляд наткнулся на кобуру, висящую на спинке стула: «Ну, надо же! Одежда по всей комнате разбросана, а обожаемое оружие привычно на стульчик повесил!»

Багровая пелена закрыла глаза, дыхание прервалось, и Лерке показалось, что она проваливается вниз, с грохотом ломая межэтажные перекрытия. Очнуться заставил неожиданный хлопок, настолько громкий, что заложило уши.

Когда женщина осмелилась открыть глаза, то первое, что увидела, повергло в шок. Она увидела пистолет в собственных руках и рассеивающийся в пространстве нежный дымок из ствола. Сомнений не оставалось – оружие только что выстрелило, и стрелявший никто иной, а именно она – Лерка! Как и когда это могло произойти, бедная женщина не могла взять в толк. Она совершенно не помнила, как схватила оружие.

Витёк любил тренировать жену в искусстве стрельбы, когда они выезжали всем семейством к его матери в деревню. И хоть Лерка попала несколько раз по развешенным на штaketнике банкам, но забаву эту терпеть не могла и пистолета побаивалась. А тут! Зажатый сразу двумя руками ствол, словно в каком-то приключенческом кинофильме.

Сердце словно сдавливала холодная безжалостная рука. Пистолет вдруг стал обретать вес, наливаясь чугунной тяжестью, и с грохотом выпал на пол.

И только теперь в образовавшейся оглушительной тишине Леркиным глазам предстала истинная чудовищная картина, словно из самого страшного ночного кошмара. На диване корчился подстреленный ею муж, зажимая кровавую рану в боку. Девача по кличке Лунтик теперь совершенно оправдывала свой творческий псевдоним, так как её круглое личико было мертвенно-бледного лунного цвета. Она забралась под стол и тихонько подвывала раненой собакой, разочарованной в человеческом милосердии.

Помертвевшая Лерка стояла и как будто смотрела замедленную съёмку странного арт-хаусного фильма. Вот медленно растекается зловещее кровавое пятно. Комкая простынь, зажимает рану поверженный герой-любовник. Под столом обречённо воеет полуголая актриса второго плана. Отмеряя секунды, стучит равнодушный метроном. Звучит тревожная музыка. Героиня в ужасе возводит глаза вверх, в отчаянии заламывает руки и проваливается в Ад. Финальный саундтрек. Титры...

Однако как только удалось замороженному времени чуть

оттаять, ситуация настойчиво потребовала своего разрешения. Юная, но уже поднаторевшая в подобных разборках путана, дрожа всем телом, медленно по стеночке ползла в сторону выхода, не забывая с мольбой заглядывать в глаза хозяйке и заунывно повторять: «Отпустите меня, пожалуйста, ну зачем я вам сдаюсь?» Лерка осторожно, насколько могли позволить потерявшие чувствительность руки, отперла замок. Угрожающе шепнув девахе: «Беги, дура, беги!», с остервенением вытолкнула ту в прохладный сумрак подъезда. Вдогонку пришибленной жрице любви полетели её блестящие босоножки.

Подождав, когда за ночной гостьей захлопнется дверь подъезда, Лерка с трудом повернулась и, стараясь не смотреть на красное пятно, будто двигаясь в тяжёлой мутной воде, подплыла к мужу.

– Ну что, в «скороу» надо звонить?

– Не вздумай, идиотка! На огнестрел дознавателя пришлют. Перевяжи лучше потуже, а то я сейчас тут ваще всё залью.

Когда Лерка судорожно затягивала рану разорванными простынями, раздалась трель дверного звонка!

От этого чудовищного звука спина и затылок женщины похолодели, будто ей насыпали за шиворот горсть ледяных кубиков. Лерка окаменела, ей почудилось, что в эту бесконечную минуту кто-то неизмеримо могущественный подвесил её на тонкой ниточке над зияющей, словно пропасть, чёрной клыкастой пастью, которая алчет сожрать её, смачно пережёвывая.

В дверь теперь не только настойчиво звонили, но и стучали (вероятно, кулаками) самым неучтивым образом. В перерывах меж-

ду атаками из подъезда доносились голоса. Разговор можно было слышать так отчётливо, словно люди находились рядом в комнате, и от этого становилось ещё страшнее. Сомнения не оставалось, злобная соседка Чакина осуществила свою давнюю мечту и вызвала наряд полиции.

– А вы уверены, что стреляли именно из этой квартиры (?) ...и что вообще стреляли? Сколько было выстрелов? Кто-то ещё слышал? – спрашивали молодые спокойные баритоны.

В ответ ЧеКа понесла им привычную белиберду, что злодеи (Витёк с Леркой) втихаря облучают её несчастную специальным фонариком, и поэтому у неё волосы клочками лезут, и кости ломит невыносимо, а теперь ещё и пятна какие-то страшные по коже пошли.

Полумёртвая от ужаса Лерка подползла к глазку и увидела, как Чакина стала поочерёдно задираť рукава халата, демонстрируя двум высоким крепким полицейским дряблые старческие телеса. Лишь дело дошло до ног и старуха подняла подол, парни дружно вздохнули и, не сговариваясь, двинулись прочь из подъезда.

Когда в парадной стихло, Лерка заметила, что раненый потерял сознание и лежал теперь неподвижно, как мёртвый. Она судорожно пыталась нащупать пульс, но в висках и горле сердце бухало так, словно внутри неё заколачивали сваи. Испуганная женщина никак не могла почувствовать в пострадавшем даже слабое биение жизни. Мерное жужжание телевизора, которое раньше всегда её успокаивало, теперь, как назойливая муха, не давало сосредоточиться.

Телевидение непрерывно демонстрировало ход предвыборной гонки местного разлива, не останавливаясь даже ночью. Лерка никогда не интересовалась политикой, раз и навсегда твёрдо усвоив, что каждый последующий начальник хуже предыдущего. Ни на какое правительство она не надеялась, зная, что от жизни вырвешь – только это и получишь.

Однако то, что она увидела на экране в следующий миг, заставило изумиться, несмотря даже на то, что вроде бы уже ничего на свете не смогло бы сейчас как следует её удивить. На Лерку вновь нагло смотрела самодовольная рожа, которую она не могла не узнать. Это был он (!), тот бандит, что ограбил и избил её ни за что ни про что на глазах у десятка свидетелей, а ныне, оказывается, метил в какое-то высокое кресло.

– Константин Эдуардович Жулькин – лидер предвыборной гонки, – радостно пояснил диктор, а вдобавок сообщил, что тот меценат и активный общественный деятель, а также успешный бизнесмен, который готов взять на себя ответственность...

На экране, насупившись, как бульдог перед нападением, меценат Жулькин обещал избирателям, что особенное неусыпное внимание он будет оказывать пенсионерам, инвалидам, сиротам и многодетным семьям. «Так вот, оказывается, для кого предназначался столь большой и шикарный букет, наверняка, для обездоленных инвалидов...» – подумала Лерка с брезгливой ухмылкой.

Преодолевая стылое оцепенение, она нашарила рукой пульт и выключила телевизор, затем твёрдым голосом вызвала неотложку и

ушла прочь, оставив дверь в квартиру открытой...

На мосту было очень ветрено. Волосы трепало и дыбило вверх. Лерка не могла понять, как она добралась до этого пресловутого гиблого места на самой середине виадука. К одной из перекладин был привязан маленький траурный веночек, у другой лежал полузасохший букет мелких розочек. «Эх, его бы на ночь в ванну с водой, может, ещё можно и реанимировать...» – возникла в Леркиной голове совершенно абсурдная мысль, словно выскочившая из другого мира.

Женщина обречённо посмотрела вниз. Там, далеко внизу, несла тяжёлые свинцовые воды большая река. Темнота и мерное течение словно засосали взгляд, и Лерка никак не могла оторвать глаз от созерцания текущих из ниоткуда в никуда чёрных вод.

Оцепенение прервали голоса. Двое парней переговаривались неподалёку и кивали на неё. На юношах были жилеты со светящимися светодиодами вставками. Это явно был патруль, выставленный на опасном мосту для спокойствия обывателей заботливыми отцами города.

Испугавшись, что сейчас её схватят, Лерка без сомнения и сожалений шагнула в пустоту. Ей было совсем не жаль своей безрадостной и суетной жизни. Досадно лишь, что зловредная сплетница Чакина будет разносить по дворам интересную новость про Леркино самоубийство: «Не, ну всё равно это по-любому лучше, чем новость про арест за убийство мужа. Хотя всё равно уже теперь... Интересно, а мне будет больно? Только бы бар-

жа не выплыла, пока я лечу, а то будет как в монологе у Петросяна. Вот сейчас ваще не смешно. Что за дурацкие мысли лезут в голову? Я же сейчас умру. Насовсем. Не о том надо думать!»

Не о том! Не о том... почему-то эта тревожная мысль не вылетела из её головы даже от страшного оглушительного удара. Вода оказалась очень твёрдой, как ни абсурдно это могло показаться. Лерка бултыхалась в ледяном водовороте и успела задохнуться ещё задолго до ухода ко дну. Вверху через мутную поверхность она видела огоньки моста, которые уходили и таяли в неясной вышине, оставляя лишь тонкие нервные светящиеся хвостики.

Лерка стояла на краю колоссальной пропасти-воронки Тусклый свет, колючий ветер, клубящиеся паруса грозowych туч над головой и нет солнца. Даже намёка на светящуюся точку в вышине не было... и от этого стало особенно тоскливо. Обречённость – вот, пожалуй, то слово, что могло бы охарактеризовать её состояние. Рядом стояли такие же безликие фигуры в каких-то серых лохмотьях, но Лерке они были абсолютно безразличны. Утопленники взаимно сторонились друг друга, совершенно не выказывая какого-либо желания к общению. Серость и апатия. Всё-всё другое, не похожее на верхний мир, в котором остались доброта и надежда.

«Чем я заполняла свою жизнь? Вечной погоней за рублём? Разговорами, выпивкой с подружками по пятницам, тряпками – как далеко, глупо и не нужно это теперь... Витёк! Бедный Витёк! Зачем я стреляла в него? Что хотела доказать? Теперь у него, навер-

ное, нет времени и возможности осознать самого себя, я отобрала эту возможность. По какому праву? А просто обидно стало... ну, глупо ведь. Девчонку эту, синюю от страха, выкинула за дверь, как паршивую собачонку, упиваясь своей властью. Можно было молча проводить без спектакля со стрельбой, швыряния босоножек в спину. Тоже ведь не от добра таким-то паскудством зарабатывает. А главное, жить-то как следует я и не научилась, и ведь никогда не научусь теперь, никогда...»

Вдруг невыносимое беспокойство овладело всем её существом. Среди грохота незримого водоппада стал пробиваться тоненький плач. Да, это был голос Славика. Он звал маму, ему было холодно и одиноко.

Тонкая кромка, на которой стояли обречённые пленники, была узкой и каменистой, шаг вперёд – пропасть, шаг назад – тоже. Время повисло на них как занесённый в драке беспощадный кулак, который летит, чтобы уничтожить, и никогда не долетает. «Как же я могла бросить кровиночку мою одного нос к носу с жестоким беспощадным миром? Просто убежала от проблем, а куда пришла? Те земные проблемы показались теперь пустяком, а вот поди, попробуй отсюда их решить, как поможешь теперь сыну, а никак...» Никак... как... кап... кап...

«Что ж это прям в голову тюкает? Вода в кране капает», – Лерка очнулась в больничной палате, почему-то туго прибинтованной к древней койке с провисшей панцирной сеткой. Над ней сидел Витёк. Он был какой-то дёрганный и взъерошенный, но главное, живой!

– Не бойся, я следяку сказал, что сам нечаянно в себя выстрелил, когда пистолет чистил.

– Поверил?

– Нет, кажется... главное, дело не стал заводить. Ты прости меня, дурака, ведь даже и не знал, как я тебя на самом деле люблю... Простишь?

Лерка отвернулась к облупленной стене, но не для того чтобы продемонстрировать презрение неверному супругу, а чтобы не показать ему счастливой улыбки, чтоб не расслаблялся раньше времени.

Интервью у Лерки брали прямо в больничном коридоре. Антураж, как говорится, был весьма подходящим.

– И вновь мост самоубийц! Серия необъяснимых роковых суицидов, всколыхнувших наш доселе спокойный город, продолжается. Сейчас мы имеем эксклюзивную возможность поговорить с единственной из выживших. Скажите, Валерия, какова причина, толкнувшая вас на этот ужасный шаг, я, конечно, имею в виду прыжок с моста?

– Н-не знаю даже... как сказать... ну, наверное, глупость... а ещё потому, что в ту ночь... – Лерка тусклым голосом спокойно обрисовала вёрткой журналистке, как её отделал и ограбил известный в городе «меценат и общественный деятель» – Константин Эдуардович Жулькин.

Теперь даже чёрный фингал и выбитые зубы были как нельзя кстати, но Лерка не стала вдаваться в подробности и только мечтала поскорее отделаться от этого нелепого интервью. Зато у журналистки эмоции фонтанировали через край. Она назвала несостоявшегося депутата бандитом с большой дороги и почему-то сбитым лётчиком.

«Ну, вот и он – мой долгожданный фурор... дождалась всё-таки...», – подумала Лерка, горько усмехаясь. Ей, пребывающей в коконе нечаянно обрётённого умиротворения, было абсолютно плевать на то, покажут или не покажут её по телевизору, на то, как она в данный момент выглядит, даже включенная камера была теперь совершенно безразлична.

Лерке хотелось немедленно покинуть тоскливые стены, поехать в свекровкину деревню и поскорее обнять сынишку. Временами это желание становилось нестерпимым, женщина рассеянно смотрела на больничную суету вокруг и думала о своём: «Славик, родненький мой глупыш... а как он любит папу, всем детишкам в садике рассказал, что у папы есть настоящий пистолет. И, может быть, мы ещё научимся жить как люди... когда-нибудь... несмотря ни на что...».

